

ское учение о высшей нервной деятельности, по определению де Крайфа, открывает для человечества огромные возможности. И в последней своей книге автор с большим уважением вспоминает труды Павлова.

«Человек, борющийся с безумием» лишен многих привлекательных качеств,

присущих бескорыстным «охотникам за микробами». Фергюсон энергично испытывает в клинике новейшие препараты, которые, надо думать, не без рекламных соображений передают ему фармацевтические монополии США. Об удачливом враче, исцеляющем «бедных умалишенных», пишут

в сенсационном духе американские газеты. Порой даже кажется, что и сам Поль де Крайф начинает верить в какое-то «сверхновое» средство, способное исцелить американцев от недугов, которые обусловлены пороками социального строя их страны.

С. Навашин

ЛАРЕГИБ — СУМАСБРОДНЫЙ ГОРОДОК

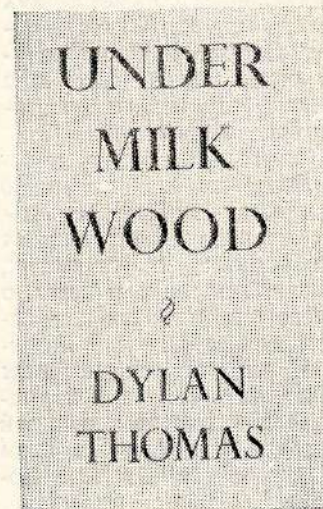
□
Dylan Thomas. Under Milk Wood. A Play for Voices. London, J. M. Dent and Sons, 1957.

□
«У Молочного леса. Пьеса для голосов» — последнее прозаическое произведение Дилана Томаса (1914—1953), уэльского поэта и новеллиста, умершего от алкоголизма во время поэтического тура по США. Английская и американская критика уделяет Томасу очень большое внимание. Правда, часть литературы о нем носит отнюдь не литературоведческий характер. Такова, например, книга американского «импрессарио» поэта Бринни-на, где в угоду обывательскому интересу смакуются интимные подробности из жизни Томаса. Но в большинстве работ звучит искренняя горечь, что так рано и нелепо погиб талантливый писатель, внесший что-то свое в английскую поэзию нашего времени. Этой горечью исполнено и стихотворение Джека Линдсея «Последний разговор с Диланом Томасом», которое рисует образ поэта очень человеческого, глубоко раненого злом и неправдой окружающего его мира.

Поэтическое творчество Томаса — очень сложное, трудное для восприятия и неровное, но безусловно талантливое — требует совершенно особого разговора; однако и проза его, к которой он все чаще об-

ращался в последние годы, своеобразна и ярка. Выступая в роли рассказчика (а пьеса «У Молочного леса», по существу, — повествование в лицах), лирик Томас во многом раскрывается по-новому. Проза его всегда пронизана юмором. Юмор этот особый: сплавленный с нежностью, со щемящей печалью, с озорной насмешкой, а подчас переходящий в злой гротеск. «У Молочного леса» пользуется большой популярностью на Западе, но менее всего — на родине Томаса, в Южном Уэльсе. И это обстоятельство не удивляет, когда знакомишься с обитателями созданного поэтом Ларэгиба — крохотного уэльского городка, прилепившегося на морском побережье, у леса, который носит странное название «Молочный».

Голос чтеца начинает повествование о Ларэгибе, начинает очень мягко, лирично; он говорит о ночном море, на котором покачиваются рыбацьи баркасы, о беззвучном шестивии весенней ночи над спящим городком. Это вступление, в сущности, — стихотворение в прозе, которое перекликается с лучшими стихами Томаса об Уэльсе. Но вот чтец-автор раскрывает перед слушателями сны, которые видят жители Ларэгиба. Сны эти и начинают действие пьесы, если слово «действие» применимо к бессюжетной смене крохотных эпизодов, из которых образуется повседневная жизнь городка, откровенно и бесстыдно «сдвинутая набекрень», как она представляется Дилану Томасу.

Ларэгиб населен, мягко выражаясь, чудаками, точнее людьми малость свихнувшимися, и первый вариант пьесы так и назывался «Свихнувшийся городок». Некоторые обитатели его явно симпатичны автору: городской старожил слепой капитан Кэт, добродушная и бескорыстная «утешительница» городских обывателей и окрестных фермеров Полли Гартер, преподобный Эли Дженкинс — летописец и поэт, без усталости прославляющий в наивных и старомодных куплетах красоту своего края... Но есть чудаки менее безобидные и не такие приятные. Городской почтальон распечатывает чужие письма, а потом торжественно излагает их содержание адресатам. Влюбленная пара — галантерейщик и кондитерша — усердно копит деньги и ежедневно обменивается пылкими посланиями, но они, видно, так и не увенчают свою страсть, потому что все им кажется, что мало еще на-

коплено. Сапожник, фанатичный ловец и обличитель городских грешников, преследует их даже во сне. Мясник, по общему и справедливому мнению, пополняет запасы своей лавки мясом беспризорных кошек и собак. Солидная учительская чета существует во взаимной ненависти, и жалкий, угодливый супруг вынашивает утонченные планы отравления жены. Но самая, пожалуй, кошмарная обитательница Ларэгиба — это сжившая со света двух мужей миссис Огмор-Причард. Злобно и чванно глядит она на мир из окошка своего безукоризненно гигиеничного дома.

Два голоса ведут неторопливое повествование об этих людях, об их маленьких чувствах, подавленных желаниях, об их прихотях, о мелкой злобе и зависти, о неистовых сплетнях и неаппетитных радостях. В Ларэгибе не считают нужным прикрывать свое неприглядное бытие покровом внешней респектабельности — в этом и заключается «безумие» городка.

Но пьеса «У Молочного леса» — меньше всего бытовая, скорее ее можно назвать

аллегорической фантазией, окрашенной местным колоритом. Да, такова жизнь, как бы говорит Томас, многое в ней перепутано и грязновато, и смешно и страшно, и любовь принижена, и смерть идет по пятам человека — и все же сколько вокруг чудес: море, весенний воздух, Молочный лес, детский гомон на улицах Ларэгиба, и любовь, и рождение, и вечное обновление жизни...

Дилан Томас был, конечно, романтиком, романтиком внутренне раздвоенным: влюбленность в жизнь постоянно воевала в нем с отчаянием. Эта двойственность, ощущаемая во всех его стихах, определяет и звучание пьесы «У Молочного леса».

Кажется, что может быть отвратительнее, чем его смешные уродцы? И вместе с этим, вопреки этому, вся пьеса пронизана удивительно мягким, насмешливо-жалостливым, грустным светом, который, может быть, и придает ей главную притягательность. Без него перед нами оказалась бы, пожалуй, просто искусно выполненная кунсткамера, а сколько таких кунсткамер в

декадентской литературе современного Запада! Но Томас вовсе не равнодушен к своим сугубо негероическим героям. К некоторым из них — самым простым, искренним и добрым — он относится с большой и чуть насмешливой теплотой; к другим, тем, кого он изображает совершенно беспощадно, — с жалостью. Они ведь сами жертвы, не они виноваты в своей душевной деформации, явственно подсказывает автор. Кто же виноват? Этот вопрос в пьесе не возникает. Но все творчество Дилана Томаса говорит о его глубочайшей тревожной неудовлетворенности миром, в котором он жил.

В жизни Томас не отгораживался от насущных проблем современности, он был, в частности, одним из деятельных участников движения в защиту мира в своей стране. И хотя как художник он редко обращался к социальной теме, даже в самом общем ее выражении, все же творчество его обращено к людям, проникнуто подлинной жадой гармонии между человеком и природой, между человеком и обществом.

И. Левидова

ПИСЬМА ИТАЛЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ

□

«Vallone del Purgatorio»
Lettere di ragazzi italiani a cura di Dina Rinaldi. Milano, Feltrinelli Editore, 1957.

□

На одной из окраин Неаполя есть место, которое называют «Долиной Чистилища». До недавнего прошлого там была огромная свалка, где часами рылись дети бедняков, надеясь извлечь оттуда что-либо годное. Однажды в «Долине Чистилища» погиб мальчик: он был похоронен заживо под обрушившейся на него лавиной отбросов. Мы не знаем, состоялась ли заупокойная месса, сказал ли

представитель муниципалитета несколько вежливых слов соболезнования над могилой ребенка. Но в память о маленьком неаполитанце «Долиной Чистилища» названа замечательная книга, коллективный автор которой — сто пятьдесят итальянских детей.

Писатель Карло Леви в своем предисловии к «Долине Чистилища» образно говорит, что эти детские письма — «мазки кистью», которые создают «картину бедного общества, повседневной нужды, нехватки работы, отсутствия уверенности в завтрашнем дне, картину общества, которое не дает даже времени, чтобы расти, чтобы полностью пережить отпущенное каждому человеку время детства».

Сто пятьдесят писем — это сто пятьдесят подлинных человеческих докумен-